

Глава 7. Первый урок

Безрассудный мальчишка, не знающий жизни.

Тан Лофань никогда раньше не преподавал, но отлично знал, как с помощью кисти и красок прогнать уныние и излить наболевшее. В те годы, когда его оставила мать, живопись стала для него единственным спасением.

Разложив инструменты для занятий, юноша приоткрыл стеклянную дверь и с улыбкой посмотрел на мужчину, сидевшего на диване в приемной.

— Одноклассник Линь, пора на урок! — звонко позвал он.

«Одноклассник Линь?»

Хэ Хуаю потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что обращаются именно к нему. Он повернул голову и холодно, с прищуром взглянул на юношу.

Он с детства рос замкнутым и нелюдимым. А многолетняя борьба за власть внутри корпорации семьи Хэ и вовсе приучила его никому не доверять, держаться настороженно и жестко. Из-за этого его взгляд казался ледяным, почти враждебным. Все вокруг — и сотрудники компании, и крупные инвесторы — невольно робели перед ним, предпочитая держаться на расстоянии.

Однако этот «Сяо Су-лаоши», похоже, совершенно не ведал страха.

Привалившись к стеклянной двери, он задорно выглядывал наружу, подставив макушку с вихрастыми волосами. На его губах играла легкая улыбка, а сияющие глаза сузились в забавные полумесяцы. В этом взгляде сквозила чистая, не знающая забот юность.

«Дерзкий мальчишка, не знающий жизни».

— Пре... Президент Хэ? — робко пробормотал Юй Хуэй, округлив глаза от столь фамильярного обращения. Он с опаской покосился на начальника.

За те несколько лет, что он проработал личным ассистентом Хэ Хуая, все вокруг относились к его молодому боссу с глубочайшим почтением и трепетом. Юй Хуэй впервые видел, чтобы кто-то разговаривал с ним в столь непринужденном, даже легкомысленном тоне. Да еще и вчерашний студент!

«Да разве этот парень может быть нормальным учителем?»

— Жди здесь, — сухо бросил Хэ Хуай.

Отложив каталог, он поднялся и направился к мастерской Тан Лофаня.

Тан Лофань оперся о стеклянную дверь, с улыбкой поджидая гостя. Но стоило «однокласснику Линю» подняться и уверенным шагом направиться к нему, как глаза юноши восторженно блеснули.

«Какая осанка! — пронеслось в его голове. — А ноги... невероятно длинные и стройные».

Мужчина приближался не торопясь. Высокий, статный, с широкими плечами и узкими бедрами, он выглядел невероятно мужественно. Простая белая рубашка и строгие брюки сидели на нем так безупречно, словно он только что сошел с подиума на неделе высокой моды.

Когда он переступил порог, Тан Лофаня окутал едва уловимый шлейф прохладной мяты — чистый, освежающий аромат мгновенно прояснил мысли.

«Как приятно пахнет».

Для Тан Лофаня, законченного эстета и ценителя красоты, этот мужчина стал настоящей находкой — сокровищем, при виде которого каждая клеточка его тела трепетала от восторга.

Отодвинув стул и приглашающе указав на место перед мольбертом, он приветливо произнес:

— Присаживайся, одноклассник Линь. Для начала давай проверим, как ты владеешь кистью. Попробуй провести на холсте несколько линий и кругов вот этими кистями.

В его голосе не было ни капли робости — лишь легкая, непринужденная интонация. Хэ Хуай мельком взглянул на юношу, без лишних слов вытянул из стаканчика плоскую кисть и, обмакнув ее в краску на палитре, провел по натянутому подрамнику.

Небесно-голубая масляная краска легла на грубый холст. Под тяжелой рукой мужчины щетина сделала несколько хаотичных мазков, оставив неровные, рваные полосы синевы разной толщины и насыщенности.

— Слишком сильный нажим, да и держишь ты ее неправильно, — безжалостно вынес вердикт Тан Лофань.

Он взял другую кисть, чтобы показать пример:

— Смотри, инструмент нужно держать уверенно, но легко, примерно как столовый нож, когда

режешь стейк. Сила нажатия должна быть умеренной, тогда и тон ляжет ровно.

В изящных пальцах юноши та же самая плоская кисть словно ожила. Несколькоими точными, плавными движениями он вывел на белом полотне безупречные голубые дуги одинаковой толщины. Эти простые штрихи легли на холст подобно набегаящим волнам — чисто, гармонично и легко. Стало очевидно, что за плечами этого «молодого учителя» стоит серьезная художественная школа.

Хэ Хуай попытался повторить его жест, скопировав хват.

— Нет, опять не то. Ты не контролируешь усилие, — Тан Лофань покачал головой.

Не раздумывая, он накрыл своей ладонью широкую руку ученика, направляя его пальцы:

— Почувствуй движение. Вот так, мягко води кисть, чтобы краска ложилась гладко.

Хэ Хуай замер. Неожиданное прикосновение чужих прохладных пальцев заставило его напрячься. Брови мужчины сошлись у переносицы, а в глубине темных глаз вспыхнуло раздражение от столь вольного нарушения личных границ. Он уже собирался резко высвободить руку, но до его сознания дошло приятное, успокаивающее ощущение прохлады, исходившее от ладони юноши. Гнев утих так же внезапно, как и поднялся.

Он слегка оцепенел. Косясь вбок, Хэ Хуай чувствовал близость юноши, видя его гладкий профиль и изящные очертания подбородка. Несмотря на интимность жеста, Тан Лофань держался на удивление сосредоточенно. Под сенью густых ресниц его глаза сияли неподдельным профессиональным азартом. Чуть приоткрыв розоватые губы, он увлеченно объяснял тонкости живописного мастерства.

До носа Хэ Хуая донесся тонкий, едва уловимый аромат чистоты — так пахнет кожа после теплого душа. Этот запах странным образом умиротворял и снимал напряжение.

— Я понял. Дальше сам, — глухо произнес он и мягко отстранил чужую руку.

Тан Лофань послушно отступил и кивнул:

— Хорошо. Попробуй еще раз, помня о силе нажима.

Хэ Хуай все еще чувствовал на тыльной стороне ладони фантомное прикосновение прохладных пальцев. Сделав едва заметный глубокий вдох, он вновь поднес кисть к холсту и провел несколько полос.

Метод юноши действительно работал: на этот раз линии вышли куда более ровными и

плавными, без прежней небрежности.

— Вот, отлично! Схватываешь на лету, — похвалил его Тан Лофань. — Сегодня мы освоим работу с палитрой и разными видами кистей. Я набросаю простой эскиз, а ты раскрасишь его так, как подскажет воображение.

С этими словами он взял остро заточенный карандаш и подошел к свежему холсту. Его движения были легкими и точными, карандаш едва касался текстурной поверхности, и уже через минуту на белом поле проступили очертания будущего пейзажа.

Это был лаконичный набросок с выразительной перспективой. Половину пространства занимало бескрайнее небо, внизу раскинулась земля с силуэтами голых деревьев, редкими травинками и бутонами цветов, а в вышине замерли в полете контуры птиц. Простые линии удивительным образом передавали объем и глубину, оставляя простор для фантазии и заставляя гадать, как преобразится этот холст, когда на него лягут краски.

Хэ Хуай поймал себя на том, что разглядывает руку юноши. Тонкие, длинные пальцы с аккуратными ногтями и нежной белой кожей выдавали в нем человека, выросшего в холе и заботе, не знавшего тяжелого труда. И эта самая рука только что так смело сжимала его собственную ладонь.

— Готово, — Тан Лофань резко обернулся. — А теперь попробуй наполнить этот мир цветом. Это лучшее упражнение для знакомства с колористикой.

— А? — Хэ Хуай очнулся и поспешно отвел взгляд, коротко уронив: — Хорошо.

Ему стало неловко оттого, что он засмотрелся на чужие руки.

Поставив перед ним масленку с разбавителем и палитру, Тан Лофань пояснил:

— Небо над твоей головой может быть ясным и солнечным, а может — грозовым, затянутым тяжелыми тучами. Землю можно укрыть сочной зеленью или присыпать увядшей листвой и первым снегом. Все зависит исключительно от твоего внутреннего видения. Картина — это отражение твоих мыслей и душевного состояния.

— Я понял, — сухо отозвался Хэ Хуай, забирая палитру.

Его тон оставался холодным и отстраненным, но Тан Лофаня это ничуть не задевало. Он понятно отошел к соседнему мольберту и взял кисть, решив больше не докучать своему молчаливому ученику.

Юноша с первого взгляда понял по дорогой ткани рубашки и безупречным манерам, что его гость — человек влиятельный и состоятельный. Да и имя «Линь Хэ», скорее всего, было

вымышленным, как и его собственное. Такие люди приходят в студию не ради академических навыков. Им просто необходим глоток свежего воздуха, убежище от суеты внешнего мира, где можно остаться наедине с собой и выплеснуть на холст все то, о чем невозможно рассказать вслух.

В свое время он сам спасался именно так. Лофань не сомневался: стоит мужчине погрузиться в этот процесс и создать собственный мир на полотне, как он ощутит небывалую легкость и умиротворение.

В мастерской воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным шорохом щетины по холсту и тихим гулом кондиционера. Каждый из них полностью ушел в работу.

Хэ Хуай начинал красить без особого рвения, но незаметно для себя втянулся. Жесткие подковерные игры в совете директоров Корпорации семьи Хэ, бесконечная гонка за прибылью, груз ответственности и вечная тревога — все это отступило, растворившись в небольшом прямоугольнике натянутой мешковины. В этот миг для него существовали лишь кисть и краски.

Он даже не замечал, как сосед то и дело бросал на него мимолетные взгляды: рассматривал волевой профиль, сильные руки, прямую спину и напряженное предплечье под закатанным рукавом рубашки.

Час пролетел незаметно.

Хэ Хуай нанес последний штрих — густую сажу на крыло летящей птицы — и наконец опустил плечи. Отложив кисть, он окинул взглядом оживший пейзаж и шумно, с облегчением выдохнул скопившееся внутри напряжение.

Чувство удовлетворения оказалось острее и глубже, чем после закрытия миллиардной сделки. Хмурая складка на его лбу разгладилась, а в обычно суровом взгляде промелькнула редкая, мягкая искра радости.

— Ну как? — Тан Лофань тут же подскочил ближе, заглядывая ему в лицо. — Правда ведь, стало легче? Будто гора с плеч свалилась?

Мужчина повернулся и встретил сияющий, полный надежды взгляд юноши. Слегка разомкнув губы, он спокойно ответил:

— Неплохо.

— Значит, сработало! — Тан Лофань просиял. — Давай тогда обсудим расписание на следующее занятие?

«Следующее занятие?»

Хэ Хуай слегка замешкался, вновь вглядываясь в лицо юноши.

Тот улыбался так открыто и тепло, что в его чистых глазах невозможно было не заметить наивное лукавство. С таким собеседником хотелось забыть о бдительности и просто кивнуть в ответ на любую просьбу.

Обычный человек наверняка поддался бы этому очарованию, но только не Хэ Хуай. Он прекрасно видел, как сильно юноша хочет удержать его в качестве клиента. И хотя прошедший урок действительно принес ему долгожданное умиротворение...

Мужчине вдруг захотелось проверить этого мальчишку на прочность.

Уголок его губ дернулся в ироничной усмешке:

— С чего ты решил, что я соглашусь прийти еще раз?

— А? — Лофань растерялся и, смущенно потерев затылок, пробормотал: — Неужели тебе не понравилось? Ты ведь так увлеченно рисовал...

Хэ Хуай прищурился, не сводя с него пронзительного взгляда:

— Ты ведь еще студент? На каком курсе учишься? И какая специальность?

Вопрос прозвучал тихо, но в низком бархатном голосе сквозила такая властность, что юноша невольно занервничал под этим тяжелым взглядом.

— Я... на четвертом курсе, — Тан Лофань отвел глаза, благоразумно умолчав о своей настоящей специальности.

Хэ Хуай снисходительно усмехнулся и отдельно, веско произнес:

— И ты предлагаешь мне нанять в качестве личного наставника студента-недоучку, который даже не учится на художественном отделении?

Тан Лофань похолодел.

«Как этот Линь Хэ умудрился так быстро раскусить меня?»

Впрочем, многолетний опыт общения с деспотичным отцом и хваткими старшими братьями научил его держать удар. Быстро взяв себя в руки, он кашлянул и уклончиво ответил:

— Да, я пока не знаменит в мире искусства. Но ты ведь только что сам убедился, что рисовать я умею. К тому же у нашего ведущего мастера, учителя Ли, сейчас совсем нет свободного времени, так что заниматься с тобой могу только я...

Хэ Хуай безжалостно оборвал его на полуслове:

— В городе S полно других студий, да и Ли Цзысянь — далеко не единственный художник в стране.

Тан Лофань лишился дара речи. Этот упрямец оказался куда более несносным и дотошным, чем вся его собственная семейка!

Но если он сейчас упустит этого «одноклассника Линя», то лишится возможности брать уроки у Ли Цзысяня. А главное — он больше никогда не встретит мужчину с настолько безупречной, идеальной для его эстетического вкуса внешностью.

Решив идти до конца, Лофань жалобно протянул:

— Ну пожалуйста, неужели все настолько плохо? Может, попробуем еще одно занятие, а там решишь?

Юноша виновато опустил ресницы, и в его голосе зазвучали просительные, умоляющие нотки. От прежней уверенности не осталось и следа. Однако Хэ Хуай не поддался на эту уловку и с самым невозмутимым видом вышел из мастерской.

«Ну вот и все», — уныло подумал Тан Лофань, провожая взглядом его широкую спину. На душе стало невыносимо тоскливо.

Сквозь стеклянную перегородку он уныло наблюдал, как мужчина подошел к своему ассистенту и негромко бросил ему пару фраз. Тот послушно кивнул, достал бумаги и направился к Сяо Цяо.

Спустя минуту та с сияющей улыбкой вошла в мастерскую, держа в руках папку:

— Сяо Су-лаоши, господин Линь оплатил абонемент на месяц вперед! Вот соглашение с графиком занятий и условиями оплаты, подпишите здесь.

Тан Лофань опешил. Округлив глаза, он резко обернулся к стеклянной двери:

— Он... он согласился?!

Хэ Хуай по-прежнему стоял в холле, но краем глаза внимательно следил за происходящим в кабинете. Он видел, как уныло юноша поджимал губы мгновение назад, и как теперь его распахнутые от изумления глаза внезапно вспыхнули чистым, детским восторгом. Мальчишка тут же обернулся к нему, весь светясь от счастья.

«Действительно, совсем еще ребенок. Даже чувства свои прятать не умеет», — хмыкнул про себя Хэ Хуай.

Однако в глубине его холодных темных глаз затеплилась едва заметная, непривычно теплая усмешка.

<http://bllate.org/book/20617/2115930>